

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

*Грaбь
нагpaбленное*

ЭКСМО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Грабь награбленное

«Научная книга»

Серова М. С.

Грабь награбленное / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Таинственное исчезновение матери заставило Екатерину Курбанову обратиться за помощью к частному сыщику Татьяне Ивановой. Взявшись за дело, Таня выяснила, что мать Екатерины, весьма состоятельная женщина, незадолго до своего исчезновения срочно продала недавно купленный особняк. Дочь об этом ничего не знала... След Катинной матери обрывается на железнодорожном вокзале – она взяла билет до Тюмени. И больше эту женщину никто не видел. Что же могло так напугать мать Екатерины Курбановой, что она решила коренным образом изменить свою жизнь, не поставив об этом в известность даже родную дочь?..

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Грабь награбленное

* * *

Смутное чувство неудовлетворенности жизнью, какого-то безысходного уныния, отчаяния владело мной последние дни. Наверное, я очень устала. Все эти бесконечные гонки во имя чьего-то спасения, бессонные ночи, недоедание, а после него резкое переедание выбили меня из колеи.

– Чудовище какое-то! – сказала я, посмотрев на себя в зеркало. И куда подевались выразительность и яркость зеленых глаз, а светлые волосы стали просто бесцветными.

Надо принять душ и попросить слов напутствия у моих старых друзей, трех гадальных косточек, хранящихся в мягком замшевом мешочке. Они лежали поблизости, на диване, и вообще я с ними практически никогда не расставалась, потому что слишком часто возникали ситуации, когда нужна была чья-то безошибочная подсказка, слова поддержки, предостережения и прочее.

Я накинула на плечи любимый махровый халат. Он был очень мягким и удобным, поэтому создавал чувство максимального комфорта, к тому же не сковывал движений, если я попадала в плен сладкой дремы.

Я бережно развязала мешочек и высыпала рядом кости – вдруг резкий звук дверного звонка прорезал тишину квартиры.

– Черт возьми! Терпеть не могу, когда меня отвлекают от начатых дел! – бурчала я, поворачивая в замочной скважине ключ.

Через несколько секунд передо мной стояла молодая женщина лет тридцати, одетая довольно богато и со вкусом. Встретив ее, как говорится, по одежке, я за какие-то мгновения сумела оценить и все остальное: невысокая, но стройная, ухоженные холеные ручки (от избытка работы наверняка не страдает), уставшие, какие-то безрадостные глаза и странная прическа, по которой можно было догадаться, что дама провела бессонную ночь. Такая оценка внешности была своего рода профессиональной привычкой, так как без этого ни один преуспевающий частный детектив просто не мог обойтись.

– Татьяна Иванова? – спросила женщина несмело.

– Да-а... Чем могу служить?

– Мне требуются услуги частного детектива.

«Отдохнула!» – иронично подумала я, пропуская гостью в квартиру. Можно было, конечно, отказаться, только вот вдохновение приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

– Присаживайтесь, – я указала на диван.

Наверное, дама думала, что женщины-детективы выглядят как-то иначе: накачанные, мускулистые, вооруженные до зубов, – потому что она уже несколько минут смотрела на меня недоверчиво. Находясь в уже известном вам расположении духа, я не сдержалась, съязвила:

– Вы что, считаете, детективы не носят халатов и не принимают душ? – На моей голове красовалось огромное махровое полотенце.

Женщина замаялась и, пытаясь скрыть чувство неловкости, начала свой рассказ:

– Понимаете, моя мать пропала...

– Давно? – сразу же перебила я, чтобы предвосхитить пожирающие мое личное время рассказы о пережитой бессонной ночи, мучительном ожидании, страхе, тревоге и так далее.

– Ее нет уже целые сутки.

– Хм, и вы считаете, что есть все основания принимать крайние меры?

Обычно люди начинают искать помощи у частных сыщиков, когда пройдены уже все инстанции, а в нашем бюрократическом обществе сделать это за сутки практически невозможно.

– В милицию обращались? – недовольно спросила я, но тут же вспомнила, что по ныне действующему закону менты начинают искать человека спустя трое суток после исчезновения, когда тот уже, возможно, является разлагающимся трупом.

Гостья подтвердила мое мнение рассказом о безрезультатном походе в ближайшее от ее места жительства отделение милиции. Несмотря на это, я не горела желанием помочь этой женщине: мало ли что – уехала к кому-то в гости, завела роман, загуляла, в конце концов. Однако развеять эти сомнения или убедиться в правильности предположений я могла, только получше познакомившись с клиенткой.

– Курбанова Екатерина Дмитриевна, – ответила она на мой вопрос.

Я взглянула на ее безымянный палец и сделала вывод, что она замужем и скорее всего, судя по фамилии, за «лицом кавказской национальности». Екатерина начала убеждать меня, будто с ее мамашей случилось что-то непредвиденное, ведь та не только не имела привычки исчезать на сутки без предупреждения, но и вообще терпеть не могла проводить ночь вне стен собственного дома.

– Тем более, – взволнованно продолжала она, – когда мы с Аликом гостили у нее.

– Так... Спокойно, спокойно! Кто такой Алик и почему гостили?

– Алик – мой муж. Мы живем в Самаре, но у него постоянно какие-то дела в Тарасове, в которые он меня не посвящает. Так вот, несколько раз в год мы по месяцу, а то и больше, обитаем у мамы.

Курбанова рассказывала, как она минувшей ночью обзванивала всех местных родственников, близких, знакомых и не очень, которые, будучи разбуженными, гневно говорили, что в течение последних суток не имели счастья общаться с разыскиваемой и о месте ее нахождения никаких сведений не имеют. Я же, слушая ее вполуха, решила бросить гадальные кости – авось подскажут, отвергнуть ли уставшему детективу клиента или согласиться на работу.

5+20+27 – грядут трудности, но вы сумеете овладеть ситуацией, – таково было значение выпавшей комбинации чисел. Я, честно говоря, не чувствовала в себе сил преодолевать хоть какие-то препятствия, однако, как показывал мой опыт общения с магическими костями, им было видней.

– 200 долларов в сутки плюс расходы, – сказала я решительно.

Клиентка как-то замялась.

– У вас проблемы с деньгами?

– В общем-то, нет, хотя я сама не работаю – муж против. Просто снять со счетов мамы я ничего не могу.

– А муж, что же, тоже счетами вашей мамы пользуется? – В моих словах сквозила ирония.

– Нет, но он срочно уехал на родину, в Дагестан.

– Почему срочно?

– Об этом я узнала от мамы, она сказала, позвонил кто-то из его родных. Алик даже не попрощался со мной.

Екатерина задумалась и несмело произнесла:

– Муж оставил кое-какие деньги, отложенные на всякий случай, я смогу ими воспользоваться в его отсутствие. Найти маму для меня сейчас – самое главное.

«Странная семейка», – подумала я. На самом деле удивительно: двое людей стали мужем и женой, живут вместе, а к деньгам супруга едва решается прикоснуться в экстренном случае! Надо с этим разобраться.

* * *

– Черт возьми! Почему она не сказала, что к ним нужно пробираться, как сквозь тернии к звездам, моя «девятка» все-таки не вездеход! – Я кричала на всю машину, поскольку голос все равно не был слышен за рычанием автомобиля, преодолевающего рытвины и ухабы.

Впрочем, стыдиться в любом случае было некого – вокруг как минимум на километр не было ни души. Курбанова сказала, что дом матери находится на одной из тарасовских окраин, вернее, за чертой города. Она посоветовала доехать туда, а там у любого спросить, где проживает Суркова Инна Георгиевна. Иначе объяснить местоположение дома было очень трудно.

Я предполагала увидеть этакий новопостроенный особняк, подобный сотням, а быть может, и тысячам тех, что рассыпались, как горох, по окраинам города. Честно говоря, я отлично понимала хозяев таких райских уголков: чем круглосуточно дышать пылью, проживая где-нибудь на Чапаева или Чернышевского, лучше забраться куда-нибудь подальше, в так называемые экологически чистые районы.

Однако жилище Сурковой превзошло все мои ожидания. Минут за пять до того, как я приблизилась к месту назначения, вдоль дороги стали попадаться маленькие сосенки. Постепенно их количество увеличивалось, пока не переросло в настоящий бор. Вскоре невдалеке показался двухэтажный старинный дом.

Тут я увидела, что навстречу мне бежит мужчина. Он замахал руками в сторону особняка, объясняя таким образом, куда надо ехать. Как потом выяснилось, это был работник, которого наняли для отделки дома. Курбанова просила его, завидев мою машину, указать дорогу.

Покинув измученную «девятку», я смогла получше разглядеть дом. Даже не разбираясь в архитектуре, можно было с уверенностью предположить, что особняку не меньше девяноста лет: при всей своей неповторимой красоте и величавости он был уже очень ветхим.

Мой «проводник» сидел на крыльце и очищал руки от краски. Поблизости аккуратно были сложены разные стройматериалы, из чего можно было сделать вывод, что капитальный ремонт жилища, в котором оно так нуждалось, был начат.

– Как добрались? – Голос показался мне знакомым.

Обернувшись, я увидела идущую навстречу Екатерину Курбанову.

– Да как вам сказать... – врать я не собиралась.

– Понятно, – с улыбкой кивнула головой Курбанова, – вы знаете, мама совсем недавно купила этот лагерь.

– Лагерь?

– Да, на этой территории несколько лет назад был пионерский лагерь. Он был закреплен за одним из тарасовских заводов, который сегодня сам не прочь за кем-нибудь закрепиться. Ну, вы понимаете, о чем я, – после перестройки многие предприятия перестали функционировать, теперь у них нет возможности выплачивать людям зарплату, не то что содержать их детей в лагерях отдыха.

Я все равно ничего не могла понять и смотрела на Екатерину вопросительно.

– Мама приобрела всю эту территорию в собственность. Только вот дел здесь немерено – нужно дом отреставрировать, раньше здесь была помещичья усадьба, неплохо бы клумбы разбить, в общем, затей у нас было полно...

Курбанова задумалась, размышляя, очевидно, об исчезновении матери. Мне все эти сентиментальности были ни к чему, да и пора было приниматься за дела. Я получила разрешение на полный осмотр дома и всех личных вещей Инны Георгиевны.

Несколько комнат в особняке уже были отремонтированы и довольно обжиты. В одной из них обитала до своего исчезновения Суркова. Я приоткрыла резную дверь из натурального дерева и окинула взглядом помещение. Никаких признаков сборов в дорогу не было. Обычно,

когда человек собирается покинуть свое жилище хотя бы ненадолго, даже если он не торопится, разбросанные в большем или меньшем количестве вещи могут рассказать об этом.

Возможно, Екатерина навела порядок, поэтому я решила заглянуть в шифоньер. Он входил в комплект изящного белого спального гарнитура, который прекрасно смотрелся на фоне темно-синих обоев.

Я открыла платяное отделение шкафа и просто обомлела: оно ломилось от одежды. Честно говоря, я ожидала увидеть множество пустых вешалок, которые говорили бы о том, что Инна Георгиевна отправилась в путешествие. Но, увы, мои ожидания не оправдались. По профессиональной привычке, да и из обыкновенного любопытства я стала перебирать вещи. Судя по просторному крою платьев и их размеру, Суркова была женщиной внушительных размеров. А роста скорей небольшого – об этом я подумала, вспомнив внешний облик ее дочери.

Среди фирменных костюмов висели и сшитые, по всей видимости, на заказ. Это было неудивительно – даже имея деньги, не всегда можно найти в магазинах вещи, идеально подходящие по фигуре, тем более такой, какой предположительно обладала Инна Георгиевна.

Я полазила по другим полкам – ничего, намекающего на спешные сборы в поездку. Как раз в это время в комнату заглянула Екатерина и пригласила отведать собственноручно ею сваренного кофе. Я – большая любительница подобного напитка и ненавистница кофе быстрорастворимого, поэтому с радостью откликнулась на предложение хозяйки, тем более что омлет, наскоро проглоченный мною дома, в результате езды по кочкам миновал, наверное, многие надлежащие инстанции пищеварительной системы, лишив меня чувства сытости.

В тени двух высоких сосен стоял столик и пара стульчиков. Екатерина усадила меня на один из них и пошла за кофе. Вскоре передо мной на расписанном под гжель подносе дымилась чашка ароматного напитка. В голове у меня клубился целый рой вопросов, и поэтому было чем занять время, пока кофе остывал. Первым делом нужно было узнать, не заметила ли Екатерина, что гардероб Сурковой хоть сколько-нибудь поредел. Да и вообще, я до сих пор не имела достаточного представления о разыскиваемой.

– Екатерина, – обратилась я к собеседнице, но она прервала меня:

– Можно просто – Катя.

– Ну хорошо – Катя. Не заметили ли вы, что пропали какие-то вещи Инны Георгиевны?

– Вы думаете об ограблении?

– Нет, просто это помогло бы нам отбросить версию ее поездки куда-то.

– А-а-а... Вроде нет. Но я не могу утверждать, потому что мама очень часто приобретала что-то новенькое. Тем более, как я уже говорила, мы просто гостили у нее, и следить за пополнением гардероба было трудно. С тем, что выходило из моды, она, кстати, тоже расставалась довольно легко.

Кофе немного остыл, я взяла в руки маленькую изящную чашку и, глядя на проглядывающие сквозь сосны волжские волны, стала размышлять о том, каков будет мой следующий шаг. Определившись с дальнейшими действиями, я вновь заговорила с Курбановой:

– Расскажите мне, чем вообще занималась ваша мать.

– Во времена «застоя» папа был высокопоставленным чиновником. Развал Союза мало изменил его образ жизни – помогли связи, друзья предложили ему хорошее место в администрации Тарасова. Отец хорошо зарабатывал, мы не знали ни в чем нужды. Десять лет назад он умер от сердечного приступа. Осталось имущество, счета в банке. К тому времени уже началась приватизация. Мама понимала, что теперь придется жить без папиной поддержки. Она откупила одну из довольно крупных бывших государственных фирм. И вот – перед вами свидетельство успешной работы, – Курбанова жестом руки показала вокруг.

– У Инны Георгиевны, наверное, должен быть рабочий кабинет? – поинтересовалась я.

– Да, Володя отремонтировал три комнаты: спальню мамы, комнату, ставшую ее кабинетом, и ту, где жили мы с Аликом, когда гостили в Тарасове.

– Позвольте, а кто такой Володя?

– Да вон он, – кивнула Катя в сторону дома, где кропотливо выполнял отделочные работы тот самый мужчина, который первым мне здесь встретился.

Я уж и думать про него забыла, а он, по всей видимости, старательно прислушивался к происходящему между нами разговором. Еще бы! Вряд ли простому работяге в течение жизни приходилось общаться с настоящим частным детективом.

Курбанова показала мне рабочий кабинет Сурковой. Он был еще не до конца оформлен, но находиться в нем все равно было приятно, потому что новая мебель источала аромат свежей древесины. Я открыла первый ящик письменного стола. Там не было ничего существенного: чистые листы бумаги, два-три ластика, ручки, простые карандаши.

Содержимое второго ящика заинтересовало меня куда больше. Среди кучи не представляющих никакого интереса бумаг я нашла записную книжку. Она была довольно потертая, и я предположила, что блокнот либо отслужил свой срок, либо близок к тому. Наскоро пролистав странички, я убедилась в правильности своих предположений – книжка была вся исписана адресами и номерами телефонов. Многие из записей были перечеркнуты и имели рядом галочки – похоже, заводя новый блокнот, его хозяйка переписывала все необходимое из старого и делала при этом соответствующие пометки, чтобы не запутаться.

Некоторые непонятные записи, кроме того, были помечены датами, говорящими о том, что женщина перестала пользоваться этой книжкой совсем недавно.

– Без помощи Екатерины мне в этом не разобраться! – пробормотала я и, прихватив блокнот, вышла из комнаты.

Курбанова с нетерпением ожидала прояснения ситуации, она, конечно, сама просмотрела все в кабинете, но все-таки понимала, что сыщик имеет гораздо больше шансов напасть на нужный след. Екатерина взволнованно ходила по коридору туда-сюда, однако не решалась заглянуть в кабинет, боясь помешать моей работе.

– Ну что? – воскликнула она, как только мой силуэт показался в дверях.

– Есть пара вопросов, – я потрясла перед ней записной книжкой.

Курбанова вздохнула разочарованно.

– Татьяна, я уже прозвонила по всем местным адресам, я же говорила.

– Если бы я так легко верила на слово клиентам, то не раскрыла бы такую уйму преступлений! А так – благодаря проверке и перепроверке – я лучший частный детектив Тарасова.

Курбанова хлопала глазами, молча внимая каждому моему слову. Наконец она виновато произнесла:

– Простите, я вас слушаю.

Мне пришлось заново пролистать в ее присутствии записную книжку. Я указывала пальцем на адрес или телефон, а Екатерина с грустью, монотонно говорила:

– Звонила. Не видели, не знают.

Тем не менее я не зря решила присмотреться к записной книжке. В ней нашлось три тарасовских телефона, хозяева номеров которых были Курбановой неизвестны, но она почему-то не придавала этому значения. Они особенно заинтересовали меня потому, что возле записи стояли по два-три восклицательных знака, либо номер телефона вообще был выделен маркером.

– Не знаю... – тихо и несмело сказала Катя, понимая, что зря мне прекословила.

У меня было желание выругаться, но впереди ждала куча дел, которая тоже требовала энергии. Я быстро зашагала к своей машине. Когда заводила ее, сквозь звуки мотора услышала голос Курбановой:

– А как же? А что же?

– Ждите новостей! – крикнула я через открытое окно, и колеса «девятки» заскрипели от резкого нажима на газ.

* * *

– Здравствуйте, – я протянула стоящей передо мной женщине красное удостоверение.

После окончания юридического института я работала в прокуратуре, упоминанием о чем и было это удостоверение. Оно, конечно, давным-давно было просроченным, но, слава богу, никому в голову не приходило рассматривать, до какого же числа действительны мои корочки. Не было в моей частной практике ни одного дела, когда бы это удостоверение меня не выручало. Оно действовало, как мощнейший гипноз. Не подвело удостоверение и на этот раз.

Женщина, стоящая передо мной, чуть не проглотила иголку, которую почему-то держала в зубах. Через плечо у нее свисал кусок ткани. Я перешагнула порог квартиры и произнесла:

– Татьяна Иванова.

– Ч-что случилось? – Она начала заикаться.

– Сейчас мы попытаемся это выяснить. Пройдемте в комнату.

Наверное, я в этот момент гораздо больше была похожа на хозяйку квартиры, в которой мы находились, потому что женщина безропотно следовала за мной, по-видимому, ничего не понимая. Оглядев комнату, я с трудом нашла, куда присесть, – на столе стояла швейная машина, вокруг нее валялись нитки, иголки, ножницы, куски бумаги и прочее. Чем-то вроде этого был завален также диван и кресла. Я по-хозяйски отодвинула все это в сторону и, указав рукой на освободившееся место, учтиво сказала:

– Присядем.

Женщина села и, как школьница, положила руки на колени.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Кутузова Лена. Елена Александровна.

– Знакома ли вам Суркова Инна Георгиевна? – начала я.

– Да. А что с ней? Она что-то на примерку не идет, – посыпались вопросы.

Мне, честно говоря, уже давно стало понятно, каков был род занятий этой женщины и что ее связывало с Сурковой, но профессия частного детектива предполагает более кропотливое выяснение обстоятельств.

– Так, спокойно. Давайте по порядку. Насколько я понимаю, она вам знакома. А теперь скажите, когда вы ее видели в последний раз?

– Неделю назад. Она заказала мне пошив юбки. Примерка была назначена на позавчера, но Инна Георгиевна не пришла.

– Вам не показалось ее поведение странным, необычным?

Кутузова на минуту задумалась и уверенно ответила:

– Да нет, ничего особенного не было. Инна Георгиевна была веселой, шутливой, как обычно. Как всегда спешила на работу. Вы знаете, наверное, она человек очень занятой.

– Когда вы назначили день примерки, она не была против? Ну, не говорила, что занята или собирается уехать куда-нибудь?

– Да нет. Сразу согласилась. Я работаю на дому, поэтому застать меня можно в любое время дня. Суркова сказала, что заскочит вечером, после работы.

– Она часто заказывала у вас пошив вещей?

– Да. Инна Георгиевна – человек обеспеченный, поэтому могла позволить себе следовать за модой. Тем более, она полная, а на рынках и в магазинах сейчас гораздо больше вещей на молоденьких, худеньких, стройных. Да и однообразное все.

– А каким человеком, по-вашему, она является вообще?

– Хорошим, очень хорошим! – сразу же выпалила Кутузова. – Она веселая очень, жизнерадостная. Даже когда у дочери неприятности с мужем были, старалась виду не показывать. Меня это заинтересовало.

– Что за неприятности?

Поняв, что я не в курсе, моя собеседница как-то замялась – поняла, что сболтнула лишнее, мало ли как это потом может сказаться на ее отношениях с богатой клиенткой.

– Суркова пропала, и ее разыскивает та самая дочь, – помогла я ей продолжить.

Кутузова открыла рот от удивления и сидела недвижно, как статуя.

– Как пропала? – еле слышно прошептала она.

– Если бы я знала – как, времени бы на разговоры с вами не теряла. Я вам задала вопрос насчет Курбановой и ее мужа.

– Да-да. Ну, Инна Георгиевна была вообще против, чтобы Катя выходила за него. А Катя ослушалась, вышла замуж в Самаре, без ведома матери. Они какое-то время не общались, а потом Катя приехала в слезах, стала на плохие отношения с мужем жаловаться, Алик даже бил ее. Он вслед за ней приехал, прощения просил, но по сей день продолжается то же самое. Иногда он к себе в Дагестан уезжает, тогда у Инны Георгиевны праздник.

Теперь мне стало понятно, почему у Курбановой такие грустные, уставшие глаза. Однако слушать жалостливые истории было некогда – надо было проверять второй адрес, особо отмеченный в блокноте. К тому же пустой желудок давал о себе знать непрерывным урчанием, и я решила заскочить в близлежащее кафе.

Район, в котором жила Кутузова, был мне не очень хорошо знаком, поэтому определиться с заведением было довольно сложно. Я решила сделать это старым проверенным способом: притормозила у одного бара и стала наблюдать, какой контингент людей туда заходит. Не то чтобы я была особой заносчивой, но знаете ли, общество пьяных, безудержно матерящихся, немых мужиков могло напрочь лишить меня аппетита.

Со второй попытки я достигла желаемого результата, и вскоре передо мной лежала дымящаяся отбивная и картошка фри. Жуя, я все же времени даром не теряла: достала из сумки записную книжку Сурковой и принялась раздумывать, что бы могла означать запись возле следующего адреса, по которому мне предстояло сейчас явиться. Слово «Лилия», небрежно начерканное рукой Сурковой, могло быть чем угодно: женским именем, названием цветка или какой – то фирмы и так далее.

Возле адреса был записан и телефон, но я всегда считала, что разговор лицом к лицу целесообразнее, поэтому сразу отправилась по указанному адресу.

Дом под номером 28 по улице Чапаева был полностью занят разного рода конторами.

Трудно было догадаться, в какую из трех дверей нужно заходить, и я подняла взгляд на вывески, которыми пестрело здание. Под одной из них – «Лилия» – значилось: покупка-продажа, обмен недвижимостью, комната 54. Стало ясно, что предстоит общение с риэлторами, людьми занятыми, шустрыми и умеющими убеждать. С одной стороны, это радовало, так как отсутствие траты времени на пустяковые разговоры и глупые вопросы было практически гарантировано.

Однако в первые минуты моего появления в офисе занятость этих людей сыграла не в мою пользу: я уже минут пять стояла в дверях, но никто не обращал на это никакого внимания. Бесперерывно звонили телефоны, и находящиеся в помещении молоденькие девушки вынуждены были отвечать на звонки. Через некоторое время около меня собралось еще человека четыре, которых тоже что-то привело в «Лилию».

Я почувствовала, как через мое плечо просовывается чья-то огромная голова. Посмотрев снизу вверх, я обнаружила здоровенного типа, коротко стриженного, с толстой золотой цепью на шее. Тип явно не собирался ждать, когда ему уделят внимание, и грозно постучал кулачищем в стену. Девушки, до этого момента полностью погруженные в свою работу, дружно вздрогнули и посмотрели в сторону столпившихся людей.

Я тоже не лыком шита, поэтому решила опередить здоровяка. Поймав на себе взгляд одной из работниц, я протянула вперед свое заветное удостоверение. Бритый громила как-то сразу передумал общаться с «Лилией» и, развернувшись, ушел.

– Вы что-то хотели? – вежливо обратилась ко мне совсем юная девчушка.

– Я могу поговорить с вашим директором?

Девушка немного призадумалась и вскоре ответила:

– Минуточку.

Она взяла телефон-трубку и вышла в соседнюю маленькую комнату, наверное, потому, что разговор с шефом не обещал быть для нее приятным. Это понятно: кто ж любит общаться с ментами.

– Сергей Сергеевич сейчас будет. Присядьте, – риэлтор указала мне рукой на бывший единственно свободным стул и ринулась к одному из телефонов, который надрылся уже давно, потому что никто не брал трубку.

Минут через пятнадцать в дверях показался молодой мужчина довольно приятной наружности. Он нервно крутил связкой ключей, вопросительно глядя на ту, которая своим звонком оторвала его от каких-то дел. Говоря по телефону, она кивнула головой в мою сторону. Сергей Сергеевич, почему-то сразу начав разговаривать на «ты», недовольно пробурчал, даже не глядя в мою сторону:

– Пойдем.

Мы молча шли по узкому длинному коридору этого старого двухэтажного здания. В самом конце находилась еще одна дверь с вывеской «Лилия», и Сергей Сергеевич стал открывать ее ключом. Помещение оказалось рабочим кабинетом главы фирмы. Здесь не было такой тесноты, как в том офисе, который мы только что покинули. В углу, у окна, стоял стол с мягким крутящимся креслом, вдоль одной стены располагался ряд стульев, вдоль другой – мягкий диван. В помещении работал кондиционер и было приятно свежо. «Чего только не сделаешь для себя, любимого», – подумала я, вспоминая ту духоту, в которой работали его девчонки.

Сергей Сергеевич, не делая мне приглашения, молча уселся за свой стол. Я решительно двинулась к дивану и приняла на нем довольно непринужденную позу.

– С госпожой Сурковой Инной Георгиевной вы знакомы? – спросила я.

Красная корочка по-прежнему оставалась у меня в руке, и после этого вопроса Сергей Сергеевич решил убедиться в его подлинности. Он, как бы поманивая пальцем, дал понять, что желает познакомиться с документом поближе. Его жест имел вполне адекватный ответ: я метко бросила удостоверение директору фирмы на стол. Через минуту, пуская изо рта тонкую струйку дыма, он ответил:

– Как же, как же, таких клиентов мы не забываем.

– Что вы имеете в виду?

– Клиенты, приобретающие в собственность дорогостоящую недвижимость, надолго остаются в памяти тех, кто имеет от состоявшейся сделки хороший процент.

– Что приобрела Суркова?

Сергей Сергеевич нажал на кнопку и приказным тоном произнес:

– Наташу ко мне.

В кабинет несмело вошла худенькая высокая девушка и вопросительно посмотрела на шефа. Он, даже не глядя в ее сторону, сказал мне:

– К вашим услугам. Этот риэлтор занималась сделкой.

Наташа побледнела, очевидно, с молниеносной скоростью перебирая в голове, что же и когда она сделала не так. «Господин» смилостивился над своей «рабыней» и объяснил ей, что к чему. Для девушки это явно было облегчением, она глубоко вздохнула и даже заулыбалась.

В присутствии Сергея Сергеевича я выяснила у Наташи, что через посредничество «Лилии» Суркова приобрела в собственность тот самый лагерь, который я имела счастье посе-

тить. Наташа сказала, что после завершения сделки она больше не встречалась с Инной Георгиевной.

Сергей Сергеевич лениво поднялся со своего стула и подошел к сейфу, стоящему в противоположном от него углу. Он немного порылся там и достал одну из папок, затем извлек из нее документы, свидетельствующие о законности совершенной сделки. Я внимательно просмотрела их и, поблагодарив, вернула хозяину.

Задерживаться в кабинете столь негостеприимного человека больше не имело смысла, и я, попрощавшись, покинула помещение.

Оставалась непроверенной еще одна заинтересовавшая меня запись в книжке. Возле номера телефона стояли две заглавные буквы – ВО. Сев в машину, я решила воспользоваться услугами своего ненаглядного сотового и набрала номер телефона, указанный в записной книжке Сурковой.

После нескольких длинных гудков я услышала голос, почему-то показавшийся мне знакомым. Это толкнуло меня к резким действиям: я с ходу задала вопрос:

– Вы знакомы с Сурковой Инной Георгиевной?

Этим все и закончилось, потому что после минуты молчания трубку просто бросили. Ну нет, от меня так просто не отвяжешься – я решила узнать адрес хозяина этого телефона и наведаться к нему в гости. Дома у меня где-то завалился телефонный справочник, покопавшись в нем, я могла узнать место жительства того, кто так меня заинтересовал.

Эта идея была вдвойне заманчивой, потому что я наконец-то получала шанс принять душ, поскольку тряска по пыльным тарасовским дорогам в течение целого дня была занятием не из приятных.

Машина осталась под окном, поскольку мой рабочий день не был закончен. Первым делом я нашла справочник и стала отыскивать нужный номер среди сотни тех, которые начинались с числа 33. Первая попытка была неудачной, но ведь я могла второпях и пропустить что-то, поэтому принялась более внимательно просматривать список. И, действительно, искомое вскоре обнаружилось. Я взяла сурковский блокнот и рядом с загадочными буквами ВО, которые, по всей видимости, являлись первыми буквами имени и фамилии – Владимир Орлов, записала найденный адрес.

Теперь можно было немного расслабиться. К счастью, недавно я приобрела классную кофеварку «Тефаль», и пока она работала над приготовлением моего любимого кофе, я отправилась в душ.

– Ну, теперь от меня даже сатана не уйдет, – довольно проговорила я, выходя из квартиры, потому что полностью восстановила утраченные в течение дня силы: душ и кофе великолепно тонизируют!

Наверное, то же самое произошло и с моей «девяткой», потому что она несла меня в нужном направлении как-то особенно легко.

Мне пришлось поплутать по неуютным дворам хаотично расположенных хрущевских пятиэтажек, прежде чем я увидела вдалеке яркой краской написанный на стене дома номер 98.

Я на всякий случай захватила свой пистолет Макарова: меня настораживало то, что во время разговора была брошена трубка. После второго звонка в дверь послышались приближающиеся к ней шаги. Судя по затемнению глазка, кто-то собирался посмотреть в него, и я, опасаясь того, что мне передумают открывать, так же, как передумали разговаривать по телефону, закрыла маленькое отверстие пальцем.

В замке стал поворачиваться ключ, и через несколько минут в узком дверном проеме показалось лицо, которому я была немало удивлена. Это был тот самый Володя, который ремонтировал дом Сурковой. Он испуганно смотрел на меня, не только не собираясь пускать внутрь, но и готовясь отразить натиск, если вдруг я попытаюсь войти без приглашения.

– Мы с вами, кажется, уже виделись? Вы Владимир Орлов? – начала я.

– Ну да, – недовольно ответил он.

– Я вам звонила. Почему вы бросили трубку?

– Никакой трубки я не бросал. Никто мне не звонил. Знать ничего не знаю, – отрапортовал Орлов.

– Так... Хорошо. Но с госпожой Сурковой-то вы знакомы?

– Знаком. Ну и что?

Мой собеседник еще немного прикрыл дверь, и теперь я могла видеть только половину его лица, которое становилось все мрачнее и мрачнее. Я собралась задать еще пару вопросов, связанных с исчезновением Инны Георгиевны, но после первого же Орлов сказал, что не имеет ни права, ни желания давать информацию о своих клиентах, и захлопнул перед моим носом дверь. Запугивать его красной корочкой было бесполезно, поскольку он уже знал, кем я являюсь на самом деле.

Его поведение показалось мне весьма странным: или он немного того, или что-то знает. Ясно одно: к нему надо присмотреться. Сев в машину, я достала из бардачка заветный замшевый мешочек и кинула гадальные кости. 20+25+10 – «Да, действительно, жалок тот, в ком совесть нечиста», – говорили мои помощники. Если верить им, то я не зря решила обратить внимание на этого типа.

* * *

Первой пришедшей мне в голову мыслью, когда я проснулась, был вопрос, каким будет следующий шаг в расследовании. Тарасовские родственники и друзья были уже проверены, однако иногородним никто еще не звонил. Времени терять было нельзя, поэтому я решила начать это прямо за завтраком. К тому же стоящий передо мной ароматный кофе и пара заманчивых бутербродов возбуждали не только аппетит, но и мысли.

Положив перед собой записную книжку, я стала пролистывать ее в поисках номеров телефонов людей, проживающих в других городах. В общем-то, никакой надежды на эти звонки я не возлагала, потому что, если бы Суркова гостила у кого-то из этих людей, она непременно известила бы об этом дочь, если не сразу, то по приезде на место. Несмотря на эти мои соображения, проверка все же была необходима. Я вооружилась сотовым и начала осуществлять задуманное, совмещая с этим полезным делом приятное – уничтожение завтрака.

Почти во всех случаях реакцией на мои слова был вопрос о том, почему ее здесь ищут и что произошло. Более бдительные знакомые Сурковой первым делом спрашивали, кто я вообще такая. Приходилось выкручиваться, врать, но итогом всех звонков все же был отрицательный ответ – в последние дни ни у кого из них общения с Инной Георгиевной не было и не предвиделось.

Пара адресов были без номеров телефонов, а их тоже надо было проверить. К сожалению, услугами электронной почты имеют возможность пользоваться далеко не все, и я решила отправить по этим адресам телеграммы с просьбой, чтобы при наличии сведений о местонахождении Сурковой ее знакомые срочно сообщили бы об этом. Телеграммы нужно было подписать именем Курбановой, так как дочери пропавшей ответили бы наверняка куда более охотно, чем какой-то неизвестной им Тане Ивановой.

Я наскоро навела марафет, посмотрела на себя в зеркало, решила, что выгляжу вполне ничего, и отправилась на телеграф. После него надо было наведаться в лагерь, потому что, во-первых, я не все еще в доме просмотрела, во-вторых, какие-то важные мелочи могли проясниться в беседе с Катей, и в-третьих, личность Орлова меня весьма заинтересовала. Докучать я ему не собиралась: лучше притаиться, сделать вид, будто меня очень интересуют другие детали расследования, и тогда, если сбудется предсказание костей о том, что совесть у него не чиста, он своим поведением сам выдаст себя.

Курбанова ждала меня с нетерпением. Она гуляла по неширокой аллее между соснами и вглядывалась в даль. Как только она увидела мою «девятку», Катя почти бегом двинулась мне навстречу.

Забыв поздороваться, она начала засыпать меня вопросами. О некоторых моментах я намеренно умолчала. Например, дав знать о том, что я подозреваю, сама пока не знаю в чем, Орлова, я рисковала спугнуть его, если он виновен. Однако оставлять клиентку в полном неведении было бы просто жестоко, и мне пришлось кратко поведать о визите к швее, риэлтору, о многочисленных междугородних звонках. Екатерина была разочарована. Впрочем, ее можно понять – пропала родная мать. Но Курбанова отлично владела собой, не срывалась на меня, как это часто бывает от чувства отчаяния и безысходности.

Собственно говоря, в этом не было абсолютно никакого смысла, потому что менты и сегодня бы за это дело не взялись, так как трое суток после исчезновения еще не прошло, а если бы и прошло, им все равно пришлось бы делать всю ту не принесшую положительных результатов работу, на которую я потратила вчерашний день.

Катя предложила мне позавтракать, но я отказалась, поскольку была еще сыта. В конце концов, если б я постоянно ела на сытый желудок, от моей фигуры, которую мужики считают потрясной, в скором времени остались бы одни воспоминания.

Я огляделась по сторонам и не заметила нигде Орлова.

– У вас что, перерыв в ремонте? – обратилась я к Курбановой.

– Вообще-то нет, просто сегодня Володя почему-то не пришел, возможно, приболел.

Я промолчала в ответ и отправилась в дом.

Зайдя в комнату Инны Георгиевны, я сначала присела на кровать, а потом и вовсе откинулась на спину, потому что постель была такой мягкой, и приятно было повалиться на шелковом покрывале. Неудобно, конечно, – не дома же, но, в случае чего, скажу, что так лучше думается. Подложив руки под голову, я стала смотреть по сторонам. На прикроватной тумбочке стоял очень симпатичный светильничек – фарфоровый слоник, который на поднятом хоботе держал белый мяч, в котором, собственно, и находилась лампочка.

Я захотела лучше рассмотреть эту вещицу и взяла ее в руки. Однако сразу же поставила назад, потому что почувствовала солидный слой пыли. Скорее всего, после исчезновения хозяйки здесь никто не убирался. Тут меня осенила, будто током прожгла, одна мысль. Я же не догадалась вчера проверить мусорницу, которая наверняка должна быть в рабочем кабинете Инны Георгиевны, где-нибудь возле стола.

Я вскочила с кровати как ошпаренная, даже забыв поправить за собой покрывало, и понеслась в кабинет. Интуиция не подвела меня: справа от стола стояла небольшая черная плетеная корзина, которая была заполнена всяким бумажным хламом. Я хотела высыпать ее содержимое на пол, надеясь найти что-нибудь стоящее.

Я так и поступила, но чуть позже, потому что мой взгляд привлекла лежащая сверху бумажка, которая была почти полностью сожженной. Я очень осторожно, стараясь не повредить, вынула ее и положила на стол. На не сгоревших маленьких участках либо вообще ничего не было написано, либо остались по две-три буквы, которые, будучи вырванными из слов, не имели абсолютно никакого значения. «Кирия!» – тут же мелькнуло у меня в голове, и я выскочила из комнаты.

Кирия – это прозвище одного из моих старых друзей, Володи Кириянова. Мы познакомились еще студентами, когда учились в юридическом, только я еще осваивала первый курс, а он уже учился на четвертом. После окончания вуза наши дороги разошлись, но, как-то встретившись, мы уже не прекращали общения. Встречались когда редко, а когда и каждый день. Инициатором ежедневных встреч выступала, конечно, я. Все дело в том, что Кирия работал в милиции, и помощь его мне порой была ох как нужна: фоторобот сделать, экспертизу и прочее.

Вот и в этот раз в свидании с Кирьяновым была огромная необходимость, потому что путем специальной экспертизы можно было установить, какую запись содержал сожженный листок. Все-таки то, в чем нет никакой тайны, никогда не сжигают, а я должна все тайны обязательно раскрыть.

Перед уходом я решила проверить остальное содержимое мусорницы – вдруг что-то интересное Суркова спалить забыла. Высыпав скомканные бумажки на пол, я села рядом и стала их разворачивать. Но там были записи, интересующие меня не более, чем фантики от конфет, которые составляли примерно треть всего высыпанного мною на пол. Видимо, Инна Георгиевна баловалась сладеньким.

Собрав в охапку рассыпанный хлам, я вернула его обратно в корзину. Заинтересовавший меня обугленный листок заманчиво лежал на столе. Сохранить его в том виде, в каком он был найден, стало теперь вопросом первостепенной важности.

Необходимо было раздобыть полиэтиленовый мешочек, в котором могла наиболее надежно сохраниться драгоценная находка. Слава богу, у любой хозяйки можно их найти, и я решила обратиться к Курбановой.

Ходить туда-сюда не позволяло время, поэтому лучше было воспользоваться услугами окна. Приоткрыв створку, я крикнула:

– Катя!

Она сидела за столиком, где мы не так давно наслаждались великолепным кофе, и, подперев голову рукой, о чем-то напряженно думала. Впрочем, догадаться – о чем – не представляло никакой сложности. Курбанова вздрогнула от неожиданности и с надеждой посмотрела в мою сторону.

Я изложила в двух словах свою просьбу, и пока Екатерина ходила за пакетом, побежала в спальню Сурковой, чтобы поискать там какие-нибудь щипчики.

Войдя в спальню Сурковой, я стала рыться в одном из ящиков трюмо, специально предназначенного для хранения косметики и всяческих мелочей. Среди кучи дорогих кремов, помад, разнообразных скрабов, масок и прочего я обнаружила кожаный футлярчик, внутри которого хранился маникюрный набор. Из него-то и были мною позаимствованы щипчики.

На пороге спальни появилась Катя с кучей новых пакетиков в руках. Она смотрела на меня удивленно, не понимая, зачем они могли мне понадобиться. Я молча взяла из ее рук один мешочек и отправилась в кабинет Сурковой. Екатерина шествовала за мной.

– Что это? – воскликнула Курбанова, увидев на столе скорчившуюся черную бумажку.

– Это я и собираюсь выяснить.

Я разъединила края пакетика, помахала им так, чтобы внутри набралось как можно больше воздуха, и, осторожно прихватив щипчиками края листочка, опустила его внутрь. Крепко прихватив мешочек сверху, я завязала его на узел, стараясь не выпускать изнутри воздух. Теперь моя находка находилась практически в полной безопасности. Оставалось только договориться обо всем с Кирьяновым.

Время приближалось к обеду – это для меня очень даже неплохо, ведь во время работы Кирьянова лучше не беспокоить, а вот за обедом он всегда был гораздо более расположен оказывать мне помощь. Пообещав Курбановой обязательно извещать ее обо всех появившихся новостях, я села в машину. Можно было договориться о встрече с Кирей прямо сейчас, воспользовавшись сотовым, но я решила сначала съездить домой, чтобы привести себя в порядок. У Кирьянова жена была красавицей, почти совершенством, и ни на кого, кроме нее, он не смотрел, но все же мужчины более охотно откликаются на просьбы женщин, которые хорошо выглядят.

* * *

– Да. Я слушаю, – прозвучал на другом конце провода знакомый голос.

После того как я представилась, посыпались радостные возгласы:

– Танюха! Сколько лет, сколько зим! Где пропадала? Как жизнь?

Выслушав длинную тираду вопросов, я наконец-то могла ответить на них:

– У тебя есть шанс обо всем этом узнать поподробнее. Предлагаю пообедать где-нибудь вместе. Как ты насчет этого?

– Конечно, конечно. Где встретимся?

– Я заеду за тобой, и вместе решим, где лучше посидеть.

– О...кей!

Подъехав к месту работы своего друга, я два раза посигналила, как в таких случаях обычно поступала. Для Кири все это тоже было привычным, и через три минуты он уже сидел у меня в машине. Разговор начался с традиционных дружеских объятий, вслед за которыми Кирьянов задал вполне логичный вопрос:

– А ты, собственно, что хотела?

Владимиру было хорошо известно, что чаще всего я назначаю встречу, руководствуясь своими интересами, вернее, интересами дела, которое расследую.

– Об этом чуть позже, – сказала я, потому что мы как раз проезжали мимо кафе, в котором и можно было пообедать.

Кирия определенно был голоден, потому что указал официанту на четыре или пять наименований в меню. Я обошлась порцией салата и курицей-гриль. Когда на лице Владимира появились первые признаки сытости – румянец, легкая испарина, – я приступила к осуществлению задуманного.

– Экспертизу обгоревшей бумажки можешь организовать?

– Это смотря как попросишь, – с хитрой улыбочкой отшучивался Кирьянов.

– Польку-барыню перед вами не станцевать, ваше величество? – Я встала, собираясь исполнить какое-нибудь незамысловатое па.

Кирьянов даже поперхнулся, потому что отлично знал мой характер – не обращая внимания на посетителей, я могла сплясать здесь не только польку-барыню, но и сделать колесо. Кирия опасливо оглядывался, боясь встретиться с кем-нибудь из подчиненных.

– Тихо, тихо, Танюха, не буянь, – почти скороговоркой протараторил он, – давай по порядку. Что за бумажка?

Я в двух словах рассказала Владимиру о деле Сурковой. Он согласился с моим суждением о том, что сжигают только записи, содержание которых хотят скрыть, и одобрительно закивал головой.

– Есть одна проблемка, – задумавшись, протянул Кирия.

– Какая?

– У экспертов сейчас работы полно. Завал просто. Поэтому насчет сроков я тебе ничего обещать не...

– Э-э-э... Это ты брось! – перебила я его. – Знаешь же, что у меня все дела срочные!

– Тань, это не от меня зависит!

– Ты пойми, у человека мать пропала, – я стала давить на жалость. И потом, он имел связи, которые могли помочь договориться о чем угодно.

– Да понимаю я все. Девчонки сейчас злые ходят, им недавно от шефа влетело, поэтому трудно будет их уговорить. Если подмазать... – Кирьянов вопросительно посмотрел на меня.

– Вова, ну что ты! Конечно, только пусть поторопятся! – Я открыла кошелек и достала несколько сотенных купюр. – К вечеру сделают?

– В принципе впереди полдня...

Теперь можно надеяться, что мою просьбу выполнят быстро. В ментовке тоже работают люди, и они, как и все остальные, любят подарки, становятся после них добрее и уступчивей. Особую роль здесь играло то, что в составе экспертной группы были одни женщины, и подарок из рук подполковника, тем более такого красавца, как Кирия, был им вдвойне приятен.

Ни мне, ни Кирьянову не хотелось заканчивать разговор на этой ноте, поэтому мы стали просто болтать о том о сем.

– Как твои карапузы? – спросила я.

Владимир обожал своих детей и в течение получаса перечислял их достоинства. Я от души нахохоталась, слушая рассказы о проказах Кириноного потомства.

– Я тебе позвоню, – сказал Кирьянов на выходе из кафе.

– Попробуй поступить иначе! – отчеканила я с нарочитой строгостью.

Говорят, нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Догонять мне часто приходится – профессия к этому располагает, и не сказала бы, что это самое худшее. А вот часы ожидания Кириноного звонка оказались самым тяжким испытанием моего терпения. Вернувшись из кафе, я сначала даже задремала, а как может быть иначе – вкусный обед, теплый душ, родной диван.

Зато, проснувшись, я три часа почти непрерывно курила, и это было свидетельством сильного волнения. Да, похоже, дело зацепило меня. На позвонившую мне подругу, с которой мы тысячу лет не виделись, я вообще сорвалась, сказав, что глупые звонки могут мешать состояться важному разговору. Потом извинилась, конечно, но все же неприятно как-то вышло.

Я даже боялась заняться приготовлением кофе, опасаясь того, что не успею вовремя снять трубку. Наконец здравый смысл взял верх над эмоциями, и я отправилась на кухню, чтобы сообразить ужин. Так, в конце концов, и время пролетело бы быстрее. Как только я в раздумьях склонилась над холодильником, телефон необычно громко, а может, мне так просто показалось, запиликал.

Я полетела к нему.

– Да, слушаю, слушаю, говорите! – закричала я что есть мочи.

– У тебя что, пожар, что ли? – В смеющемся голосе я узнала Кирию.

– Ну что? – Я даже не соизволила ответить на его вопрос.

– Встретиться надо, – Кирьянову, видимо, нравилось мучить меня. – Я должен тебе передать результаты экспертизы. Полчаса в твоём распоряжении. Жду тебя у нас дома.

– Ты что, издеваешься?!

– Нет, просто иначе тебя трудно позвать в гости. Катерина уж стол почти накрыла, я ее предупредил, так что тебе не отвертеться.

– Был бы ты рядом, Кирия, я б тебе показала, за что имею черный пояс по карате, – я глубоко вздохнула и положила трубку.

Мне просто-напросто хотелось побыстрее разобраться если не во всем, то хотя бы определить для себя дальнейшие действия. Сесть с чашечкой кофе и сигаретой и хорошенько подумав над результатами экспертизы. А к Кирьяновым если зайдешь, то вырвешься нескоро. Помимо поедания всяческих вкусностей, готовить которые Катерина была большой мастерицей, можно было еще и порядочно наклюкаться, вспоминая с Кирей веселые студенческие деньки. А времени на тяжкое похмелье я определенно не имела. Однако делать нечего – пришлось подчиниться.

Семейство встретило меня с распростертыми объятиями. Моя же улыбочка была явно натянутой, а взгляд, направленный на Владимира, – угрожающе вопросительным. Тот сразу смекнул, что мое негодование лучше сразу укротить, и, юркнув в одну из комнат, вернулся с какими-то бумагами в руке. Он стал трясти свертком над головой, приговаривая:

– Ты, кажется, танцевать хотела? Танцуй! Музыка включить или еще и петь сама станешь?

– Катя, разреши мне его треснуть?

– Пожалуйста, пожалуйста, я только «за». Может, даже и помогу тебе. Есть за что! – Кирьянова задорно посмотрела на мужа.

– Все, все, женщины, я сдаюсь. Двоих мне никак не одолеть. – Владимир протянул мне сверток и, обняв Катерину, сказал ей:

– Ну прости, прости, виноват, признаю.

Меня в суть их маленького конфликта посвящать не стали, собственно говоря, ничего, кроме переданных Кирей бумаг, меня сейчас и не интересовало. Я, не дожидаясь приглашения, брякнулась в кресло и всю себя отдала изучению результатов экспертизы. Кирьяновы терпеливо молчали, довольствуясь моими возгласами типа: «Ничего себе! Вот это да! Интересенькое дело!»

Сказать, что я была удивлена – значит, ничего не сказать. Такого поворота событий я просто не ожидала. Восстановленные записи оказались распиской Сурковой – она, находясь в здравом уме и трезвой памяти, без физического и морального давления извне, продает лагерь господину Александру Подольскому.

Вердикт экспертов был коротким, но мне пришлось просидеть над ним не меньше пятнадцати минут, так как некоторые слова восстановить оказалось просто невозможным: огонь «поработал» в этих местах весьма старательно. Однако вникнуть в суть записи не составило труда, потому что любому человеку с более или менее развитым логическим мышлением было несложно связать в единое целое разорванные фразы.

– Это надо отметить! – Я наконец обрадовалась томящихся в ожидании Кирьяновых своим «возвращением к жизни».

Отметить было что: от содержания этой расписки я могла отталкиваться, планируя дальнейшие действия. А они определились весьма четко: появился человек, который наверняка совсем недавно имел счастье общаться с бесследно пропавшей Сурковой, к тому же продажа лагеря и исчезновение женщины могли быть как-то взаимосвязаны. Этого человека я должна была проверить самым тщательным образом. Но главное, вся эта история начинала по-настоящему меня интересовать. Лучшего стимула к работе, по-моему, и быть не может.

– Наконец-то! – воскликнули Кирьяновы в один голос.

Вся наша дружная компания отправилась за стол. Я не удержалась от того, чтобы не сделать Катерине комплимент как хорошей хозяйке – стол изобиловал всякими вкусностями, собственноручно ею приготовленными. Большинство блюд было из числа самых моих любимых – определенно Киря позаботился. За долгие годы нашего знакомства он успел как следует узнать мои пристрастия не только в работе, но и в еде.

Произносить тосты в честь успешного продвижения расследуемого мною дела было бы просто эгоистичным, поэтому мы поднимали бокалы, говоря традиционные фразы: «За здоровье!», «За любовь!» и так далее. Я с удовольствием уминала все, что накладывал мне в тарелку Кирьянов, наверное, мой аппетит возрастал прямо пропорционально улучшению настроения.

В промежутках между опустошением бокалов и тарелок звучали самые разнообразные увлекательные истории, преимущественно веселые, потому что говорить о грустном никому не хотелось. Однако все хорошее когда-нибудь заканчивается, и мне пора было убираться восвояси. Выпитое вино давало о себе знать: кружилась голова. Киря был непреклонен в вопросах соблюдения как закона вообще, так и правил дорожного движения в частности, поэтому не позволил мне сесть за руль моей «девятки», а поймал такси.

Тащиться утром за своей машиной в другой район мне не хотелось, но я была обязана Кирьянову за оказанную услугу и могла отблагодарить его такого рода послушанием. Мы трогательно распрощались, обещая встречаться почаще, хотя каждый из нас знал, что время сле-

дующей встречи зависит от того, как скоро у меня возникнет в этом «служебная необходимость».

* * *

– Дома кто есть? – кричала я, приоткрыв дверь особняка, в котором томилась в ожидании новостей Курбанова.

В прошлые мои визиты меня встречала либо сама Екатерина, либо по ее поручению это делал Орлов. Он по-прежнему по неизвестной причине не показывался в лагере. Курбанову это не особенно беспокоило, она все списывала на возможные проблемы со здоровьем, к тому же подлинной хозяйкой дома была не она, а ее мать, поручения которой по отделке особняка были работником выполнены. Екатерина не теряла надежды на то, что финал истории исчезновения Сурковой будет благополучным, мать обязательно найдется и сама определит следующий этап ремонта дома.

Скорее всего, Курбанова была не в курсе сделки по продаже лагеря Подольскому, иначе она не проводила бы здесь время столь безмятежно, а искала б иное место для проживания. Тем не менее я должна была ее обо всем расспросить.

– Ау! – повторила я свое обращение к Екатерине, надеясь на ее присутствие в одной из комнат.

– Иду, иду! – послышался глухой звук.

Курбанова вышла из спальни матери вся взлохмаченная, в коротеньком легком домашнем халатике, с ведром и тряпкой в руках.

– Здравствуйте, Таня, – сказала она, увидев меня, – давно вы меня зовете?

– Да нет. А вы что же, совсем одна и не запираете дверей?

– Свет отключили, поэтому звонок не работает, я боялась, что вы, не достучавшись, уедете обратно.

– Да... В такой хижине обычным стуком хозяев не дозовешься, – с улыбкой ответила я, озираясь по сторонам.

– Вы уж извините меня за мой внешний вид. Только вчера обратила внимание на то, что в маминной комнате давно пора навести порядок: пыль кругом.

– Нет проблем. Вы долго еще будете заняты? А то разговорчик есть один.

– Что случилось? – сразу встрепенулась Курбанова.

– Вам, я думаю, лучше присесть.

– Что с мамой?

– Про маму пока ничего не знаю. А вот про лагерь...

Екатерина смотрела непонимающе, но спокойно, из чего можно было сделать вывод о том, что изменения в судьбе недавнего приобретения матери ей незнакомы.

– В чем дело?

– Где мы сможем поговорить? – Идея беседовать, стоя в узком темном коридорчике, как-то не особенно меня прельщала.

Мы вышли из дома и двинулись к тому столику под тенью сосен, сидеть за которым уже становилось для меня привычным. Привычка, надо сказать, довольно хорошая, потому что трудно описать все непередаваемые ощущения, испытываемые в тот момент, когда в жаркий солнечный день ты из пыльного грязного города попадаешь в такое великолепное место, дышишь свежим воздухом, наполненным запахом хвои, и наслаждаешься видом на Волгу.

– Может быть, кофе? – предложила Курбанова.

Я не отказалась не только потому, что Екатерина прекрасно готовила этот напиток, но и потому, что после вчерашнего мероприятия в кругу семьи Кирияновых у меня порядочно трещала голова, а кофе в таких ситуациях всегда меня спасал.

– Что же вы хотели мне сообщить? – спросила Катя, когда чашечки с кофе стояли перед нами.

– Вы знаете, кому принадлежит лагерь?

– Маме, – недоуменно протянула Курбанова.

– К сожалению, сведения, которые вы имеете, устарели. Лагерь продан.

– К-как? Кем? Кому? – Екатерина явно была шокирована.

– Вашей матерью. Она ничего вам об этом не рассказывала?

– Нет, напротив, делилась со мной своими грандиозными планами по реконструкции и благоустройству. То, о чем вы говорите, наверное, какая-то ошибка. Этого быть не может! Мама не могла так со мной поступить: ничего не сказать...

– Я пока ничего не могу утверждать, но скорее всего продажа лагеря – состоявшийся факт. Короче говоря, сегодня же я намерена прояснить эту ситуацию. По крайней мере, появилась маленькая, но зацепка.

– Мама жива? – спросила Катя нерешительно.

– Будем надеяться, – ответила я, хотя знала – с Сурковой могло случиться все что угодно, даже самое страшное.

В конце концов, просто так, ни с того ни с сего не продают недавно купленное жилье, тем более такое шикарное, как этот лагерь. К тому же если совесть покупателя недвижимости чиста, он не станет брать с продавца расписки, во всяком случае, в риэлторских фирмах это не практикуется. Что-то тут, безусловно, не так. И вообще, почему новый хозяин не вступает в права владения лагерем и даже не показывается в нем? То, что мать ни о чем не рассказала дочери, тоже довольно странно. Определенно, продажа лагеря связана с исчезновением Сурковой. И скорее всего, все это совершалось быстро, иначе бы Курбанова не могла не заметить странностей в поведении матери.

Ответ на некоторые из этих вопросов я могла получить, познакомившись с Подольским, покупателем лагеря. Кто он такой? Что за человек? В каких отношениях состоял с Сурковой?

Одной из самых распространенных причин скоропалительной продажи недвижимости сегодня являются, наверное, денежные долги. Возможно, фирма, которую возглавляла Суркова, сотрудничала с Подольским, а потом обанкротилась, не сумев расплатиться с ним за что-то. Подходящим возвратом потраченных средств явился лагерь. Тогда почему Инна Георгиевна исчезла? Может быть, произошло худшее – Суркову просто убрали как опасного конкурента в работе, вымогательством лишив ее лагеря?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.